

**Священник Дионисий КАМЕНЩИКОВ,
магистр богословия, преподаватель СПДС**

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МИССИОЛОГИИ

В развитии любой науки и применении ее достижений на практике ключевую роль играет теория, в рамках которой она существует. Многие великие открытия или научные скачки были обусловлены именно верной и мощной теорией. Например, сформулированный в феврале 1869 периодический закон Менделеева, в соответствии с которым свойства химических элементов, а также формы и свойства образуемых ими простых веществ и соединений находятся в периодической зависимости от величины зарядов ядер их атомов, сам по себе имел огромный научный потенциал, что позволило Дмитрию Ивановичу вычислить атомные массы нескольких еще неизвестных науке элементов, которые были открыты позже.

Вспомним также, какую роль в физике сыграла предложенная Резерфордом планетарная модель атома, в соответствии с которой атом состоит из относительно небольшого положительно заряженного ядра, в котором сосредоточена почти вся масса атома, вокруг ядра вращаются электроны — подобно тому, как планеты движутся вокруг Солнца. Благодаря этой модели физики смогли выявить множество закономерностей не только на уровне атомов, но и в масштабе планетарных систем.

Таких примеров, когда предложенная теория обеспечивала науке скачок, великое множество.

Православная миссиология как наука совершенно не имеет теоретической базы. Обусловлено это, в частности,

тем, что, едва зародившись на заре XX века, миссиология была сокрушена 1917 годом вместе со всей системой духовного образования. Конечно, это не значит, что в области православной миссии нет богословских трудов. Чтобы опровергнуть подобное мнение, достаточно вспомнить «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» святителя Иннокентия (Вениаминова) или «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе» преподобного Макария (Глухарева). Существовали и миссионерские научные школы. Самым ярким примером здесь служит школа профессора Казанской Духовной Академии Н. И. Ильминского. Однако святоотеческие труды могут лишь послужить основой для научных исследований, но сами по себе ими не являются. А научные разработки второй половины XIX — начала XX века сильно устарели и во многих своих аспектах потеряли актуальность в современных информационных реалиях. Кроме того, очевидно, что было выбрано неверное направление для развития этой науки. Ведь до катастрофы 1917 года изучение миссиологии в духовных школах проходило в процессе освоения исторических дисциплин, что, конечно, не позволяло ей развиваться полноценно и самостоятельно.

Со времени получения Русской Православной Церковью свободы в начале 90-х годов XX века ситуация почти не изменилась. Несмотря на серьезные практические разработки последних десятилетий, православная теология так и не обеспечила миссионеров мощными и эффективными теоретическими основами. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел.

Осознаем мы это или нет, но все виды искусства говорят с читателем, слушателем, зрителем на языке притчи. В общем

и целом можно сказать, что все, что когда-либо появлялось в кинопрокате, в книжных лавках, выносилось на сцену театров, — это иносказание о добре и зле, о любви и ненависти, о правде и лжи. О святости и грехе. Искусство давно усвоило себе язык притч. Мало того, без этого языка оно, искусство, попросту не существовало бы. Другой вопрос, что современное кино, литература и пр. воспевают по большей части грех, пользуясь притчей как основой для этого. Самый известный пример для подтверждения этих слов — Голливуд. Мощнейшая киноиндустрия с глобальной системой проката. В этом океане разврата всплывают иногда, конечно, шедевры, воспевающие добро и по сути своей христианские, как, в частности, всем известная кинолента «Форрест Гамп» (Forrest Gump, 1994), но в основном эта киноиндустрия способствует растлению человечества. Если внимательно всмотреться, то можно увидеть, что каждый голливудский фильм — это не что иное, как притча с достаточно большим, но все же ограниченным количеством сюжетов. То же самое мы найдем и в литературе и в изобразительном искусстве. На всех континентах и во всех странах мира. Для взрослых и детей. Причем многие эти притчи имеют евангельские мотивы. Вспомним мультфильм производства Уолта Диснея «Меч в камне» (The Sword in the Stone, 1963), индийскую сказку «Золотая антилопа» и убедимся в сказанном. Если христианские идеалы в американском мультфильме, сделанном людьми, все-таки воспитанными европейской культурой, выросшей, как из семени, из Евангелия, нас не удивляют, то совершенно непонятно, как те же христианские идеалы сплели сюжет индийской сказки. Быть может, это плоды трудов святого апостола Фомы, который, по преданию Церкви, проповедовал там, в Индии. Или же это проявление так называемого естественного нравственного закона: *когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами*

себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах (Рим. 2, 14–15). Так или иначе, и мультфильм, и сказка — ярко выраженные притчи.

Все виды искусства давно и успешно пользуются языком притчи. Притча — самая устойчивая система существования идей в информационном (в нашем случае — миссионерском) поле. Безусловно, и кино, и литература, и музыка имеют колоссальное влияние на человеческие души и сердца. Считается, что миссионер в своем стремлении привести человека к Истине должен обращаться к искусству и использовать его потенциал. Однако представляется более правильным обратиться к источнику искусства как явления — к притче. В нашем случае — к евангельской притче.

Евангельская притча в данной статье будет рассматриваться как всеобъемлющий принцип, как основа для христианского благовестия, что, конечно, не значит, что ветхозаветные повествования не будут исследоваться, однако основное внимание мы уделим именно евангельской притче как абсолютно совершенному источнику. Это ядро миссиологии как науки, ее базис, ее отправная точка. Это форма возвещения человечеству евангельского учения, установленная Самим Христом! Святитель Иоанн Златоуст поясняет: «Господь говорил притчами для того, чтобы сделать Свое слово более выразительным, глубже запечатлеть его в памяти слушающих и самые дела представить глазам».

Библиисты выделяют в Священном Писании два вида притч: паримию (παροιμία) и параволи (παράβολή).

«Слово “притча” представляет собой перевод двух греческих слов: “параволи” и “паримиа”. “Паримиа” в дословном переводе означает “краткое изречение, выражающее правило жизни” (таковы, для примера, Притчи Соломона); “параволи” — это рассказ, имеющий прикровенный смысл и выражающий высшие духовные истины в образах, взятых

из повседневного быта. Евангельская притча есть собственно параволи»¹.

Словом, паримия — это краткое изречение иносказательного характера, касающееся духовной жизни. Параволи — всегда рассказ. Главное отличие между ними — отсутствие сюжета у первого и наличие его у второго.

Параволи в Евангелии насчитывается 33, количество же паримий очень велико, вот, в частности, некоторые из них:

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные (Мф. 9, 12).

Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (Мф. 19, 24).

Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи (Лк. 12, 35).

Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям (Мф. 5, 13).

Евангелие будто соткано из исторических событий из жизни Христа и притч этих двух видов. Миссионерская проповедь, конечно, строится по принципу параволи. Евангелие от Матфея содержит 20 притч вида параволи, от Марка — 6, от Луки — 21, от Иоанна — всего 1 (притча о добром пастыре). Число уникальных притч в Евангелии от Матфея — 10, от Луки — 11, от Марка — 1, от Иоанна — 1.

Безусловно, многие повествовательные закономерности, отраженные в евангельских притчах, были известны и до Христа. Они, в частности, описаны у Аристотеля в его «Поэтике». Однако окончательное оформление и наполнение новыми смыслами притчи получили именно в Евангелии.

В научных и богословских исследованиях принято использовать аналогии, то есть сравнивать исследуемые предметы с явлениями природы. Так, святые отцы, богословствуя о Троице, сравнивали Его с солнцем или

¹ *Аверкий (Таушев), архиеп.* Четвероевангелие. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М., 2006. С. 145.

с родником. Думается, что, изучая сокрытые в притчах закономерности, будет уместно поискать сравнения в биологических науках, в частности в цитологии — науке о клетке. Евангельские притчи в мире идей выполняют примерно такую же роль, как **стволовые клетки**² в организме. Приведем такой пример.

В драматургии неоднократно предпринимались попытки выявить все существующие сюжеты. Некоторые исследователи говорили, что основных сюжетов всего 4, другие утверждали, что 36, но и те и другие сходились во мнении, что сюжетов ограниченное количество. Действительно, многие сюжеты повторяются. Например, тема отцов и детей отражена и в Священном Писании (притча о блудном сыне), и в литературных произведениях, является распространенной и в театре, и на экранах кинематографа. Это так называемые **сквозные**, или **блуждающие**, сюжеты. Каждый из них имеет свое основание в Священном Писании, чаще всего — в евангельских притчах. Евангельская притча является неким подобием стволовой клетки: из нее, дифференцируясь, развиваясь, вырастают многочисленные литературные, кинематографические или драматургические произведения. Притча в мире идей, как и стволовая клетка в организме, является некой первичной основой, логосом.

Уместно привести и такое сравнение. Стволовые клетки делятся путем митоза, как и большинство клеток животного организма, но затем наблюдается очень интересное явление.

² Стволовые клетки — недифференцированные клетки, имеющиеся у многих видов многоклеточных организмов. Развитие многоклеточного организма начинается с одной стволовой клетки, которая называется зиготой. Из нее в процессе дифференцировки образуются все виды клеток, свойственные для данного биологического вида. Стволовые клетки существуют и во взрослом организме, только, конечно, в меньшем количестве. Благодаря стволовым клеткам осуществляется обновление и восстановление тканей и органов, т.к. они могут превращаться в специализированные клетки организма. Стволовые клетки были открыты русским ученым Александром Максимовым в начале XX в.

Одна из этих новых клеток остается стволовой, а другая начинает дифференцироваться в клетку какой-либо ткани организма (это так называемое асимметричное деление). Аналогичное явление мы видим, в частности, в литературе. Упомянутая нами выше притча о блудном сыне породила большое количество литературных произведений (например, «Отцы и дети» Тургенева, «Тарас Бульба» Гоголя и т. д.), сохранив свой первичный вид.

Как стволовая клетка имеет ядро, цитоплазму с оргanelлами, мембрану, так и притча содержит свои элементы, которые и станут предметом нашего изучения. Однако прежде всего рассмотрим притчу в тесной связи с другими частями любого явления, посредством которого в нашем мире распространяются идеи. Возьмем в качестве примера миссионерскую проповедь. Гомилетика, или теория церковной проповеди, говорит, что любая проповедь состоит из трех или четырех частей³: введения, изложения (основная часть), нравственного приложения и заключения. Последние две части нередко сливаются в одну, что нам кажется уместным, поэтому в данной статье мы возьмем за основу именно трехчастную структуру проповеди. В Евангелии сказано, что Христос учил народ притчами и без притчи не говорил слушателям ничего (см.: Мф. 13, 34), а ученикам впоследствии объяснял значение сказанного и наставлял их прямым поучением, не облакая Свои слова в форму иносказательных рассказов. Таким образом, мы видим, что существует два основных способа донести евангельскую истину до людей: притча (иносказательное повествование) и прямое поучение. Последний способ в церковной среде сейчас получил, как представляется, наиболее широкое применение, в частности в проповедях, огласительных беседах, лекциях и т. д. Однако для людей внешних, ничего не знающих о Христе

³ См.: *Феодосий, еп.* Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад: МДА, 1999. С. 106, 107.

и Его Церкви, необходимо использовать форму иносказательного повествования, то есть притчи. Поэтому миссионерская проповедь в своей основной части, как правило, содержит притчу или рассказ, построенный по правилам притчи, — в этом главное отличие миссионерской проповеди от слова, которое ориентировано на церковную аудиторию (рис. 1).

Рис. 1

Введение влечет слушателей к иносказательному повествованию. Его вектор направлен к основной части проповеди. Нравственное приложение, опираясь на идеи иносказательного повествования, помогает душе слушателя найти верный путь к покаянию. Именно к покаянию направлен вектор нравственного приложения. Примечательно, что нравственное приложение в проповеди может совершенно отсутствовать. Вспомним, что Христос почти всегда заканчивал Свою речь лишь словами притчи, объясняя ее значение

ученикам наедине. Так, сейчас ни литературное, ни кинематографическое, ни драматическое произведение, основываясь на иносказании, чаще всего не имеет нравственного приложения⁴. Однако душа читателя, зрителя или слушателя после соприкосновения с произведением продолжает жить его идеями, или логосами. Это явление называется рефлексией.

Вообще, трехчастная структура присутствует не только в проповеди, но и в любом виде искусства (а проповедь — это, безусловно, искусство). Как пример рассмотрим фильм «Остров» режиссера Павла Лунгина. Ядро или основная часть этого явления — сама кинокартина, которая имеет ярко выраженный иносказательный характер. В качестве введения здесь можно рассмотреть все то, что привлекает зрителя к самому фильму, в частности появление сведений о нем в информационном поле. Нравственное приложение, казалось бы, отсутствует. Однако это не так. Конечно, актер Петр Мамонов, сыгравший в фильме главную роль, не появляется в конце картины с разъяснением духовного смысла того, что увидел зритель. Это было бы абсурдным. Он появляется с подобным разъяснением в многочисленных интервью после выхода картины в прокат. Что это, если не нравственное приложение? Кроме того, после просмотра фильма в душе, пожалуй, каждого зрителя возникает рефлексия, что тоже можно рассматривать как нравственное приложение.

Трехчастная система — введение, основная часть, нравственное приложение — существует не только в проповеди, но и в любом виде искусства. Это некий универсальный закон.

Теперь перейдем непосредственно к элементам притчи.

1. Сюжет (франц. *sujet*, букв. «предмет») — это система событий и отношений между героями, развивающаяся во времени и пространстве. Посредством сюжета раскрывается тема повествования.

⁴ Нравственные приложения мы видим, пожалуй, только в баснях.

Принято выделять следующие элементы сюжета: **экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка.**

Рассмотрим все эти элементы, взяв в качестве примера евангельскую притчу о блудном сыне (Лк. 15, 11–32).

Экспозиция (лат. *expositio* — «объяснение, изложение») — сведения о жизни персонажей до начала движения событий. Это изображение тех обстоятельств, которые составляют фон действия.

У некоторого человека было два сына

Завязка — событие, с которого обостряются или возникают противоречия, ведущие к конфликту. Завязка — исходный эпизод сюжета.

и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую [мне] часть имения. И [отец] разделил им имение

Развитие действия — это выявление связей и противоречий между персонажами, раскрытие их характеров.

По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно.

Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

Кульминация (от лат. *culmen* — «вершина») — момент наивысшего напряжения действия в произведении, «точка кипения». В момент кульминации конфликт достигает наибольшей остроты и приводит к столкновению героев.

Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.

Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим.

Развязка — это момент разрешения конфликта, завершения связанных с ним событий.

А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться.

В некоторых произведениях в сюжете могут быть **пролог** и **эпилог**. Прологом обычно открывается произведение. **Пролог** — это вступление к основному развитию сюжета, в котором раскрываются первопричины событий, изображенных в произведении.

Эпилог — изображение того, что произошло через некоторое время после завершения событий, то есть следствие, вытекающее из этих событий.

Не обязательно, чтобы в произведении были все элементы сюжета. Пролог и эпилог часто отсутствуют.

2. Три акта повествования

Структурные элементы в притче выстраиваются не линейно, а, так сказать, ступенчато, с возрастающей энергетикой повествования. Выдающийся российский режиссер Александр Митта в своей книге «Кино между адом и раем» говорит о трехактном развитии драматического действия, что в полной мере относится и к притче.

«В **первом акте** намечается конфликт, обрисовываются все персонажи. В конце первого акта возникает резкий поворотный пункт...

Второй акт. Поворотный пункт усложняет ситуацию главного героя. На пути главного героя появляются пре-

пятствия, которые он преодолевает. Конфликт вырастает. Растет и активность героя. В конце третьего акта возникает второй поворотный пункт. Он неожидан и кажется непреодолимым. Он гонит действие в третий акт.

Третий акт. Драматическая ситуация героя резко усложняется. Ему грозит полная катастрофа. В самый критический момент — кульминация — герой находит выход или гибнет. В любом случае конфликт разрешается в максимальной точке его напряжения».

Таким образом, в этой трехактной системе структурные элементы притчи располагаются следующим образом (рис. 2).

Трехактное развитие действия в притче

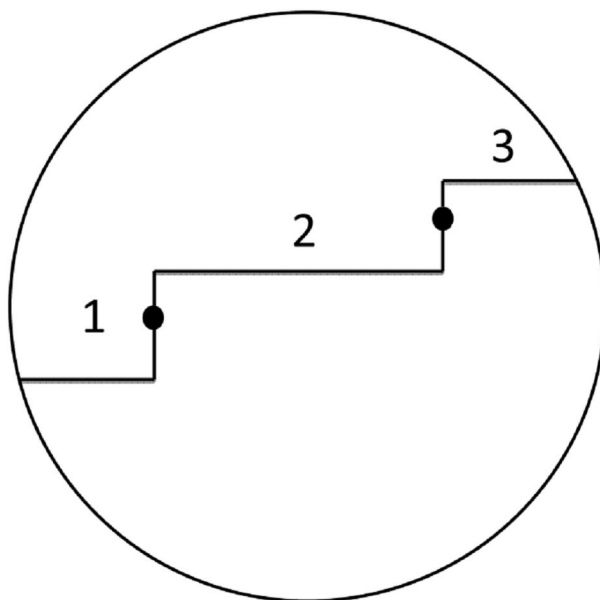

Рис. 2

3. Фабула — это описанные в повествовании события, расположенные в правильном хронологическом порядке, с указанием причинно-следственных связей между ними.

Пример того, как отличается фабула от сюжета, — «Герой нашего времени».

Роман состоит из описаний различных эпизодов из жизни Печорина, внешне практически не связанных между собой. Начинает роман повесть «Бэла», далее следует «Максим Максимыч», затем — «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист», — это сюжет. А в жизни главный герой сперва едет на Кавказ и встречается контрабандистов — «Тамань», потом приезжает в Пятигорск, где разворачивается действие «Княжны Мери»: за дуэль с Грушницким Печорина посылают в отдаленную крепость, где он похищает черкешенку, — «Бэла»; после истории с Бэлой герой живет некоторое время в казачьей станице, где происходят события, описанные в «Фаталисте»; наконец, Максим Максимыч и рассказчик встречаются Печорина по дороге в Персию, где он впоследствии умирает, — «Максим Максимыч». Это фабула.

4. Еще одна составляющая любого повествования — это **коллизия** (от лат. *collisio* — «столкновение»).

Коллизия — это столкновение различных чувств, взглядов, интересов. Коллизия как бы выводит привычный ход

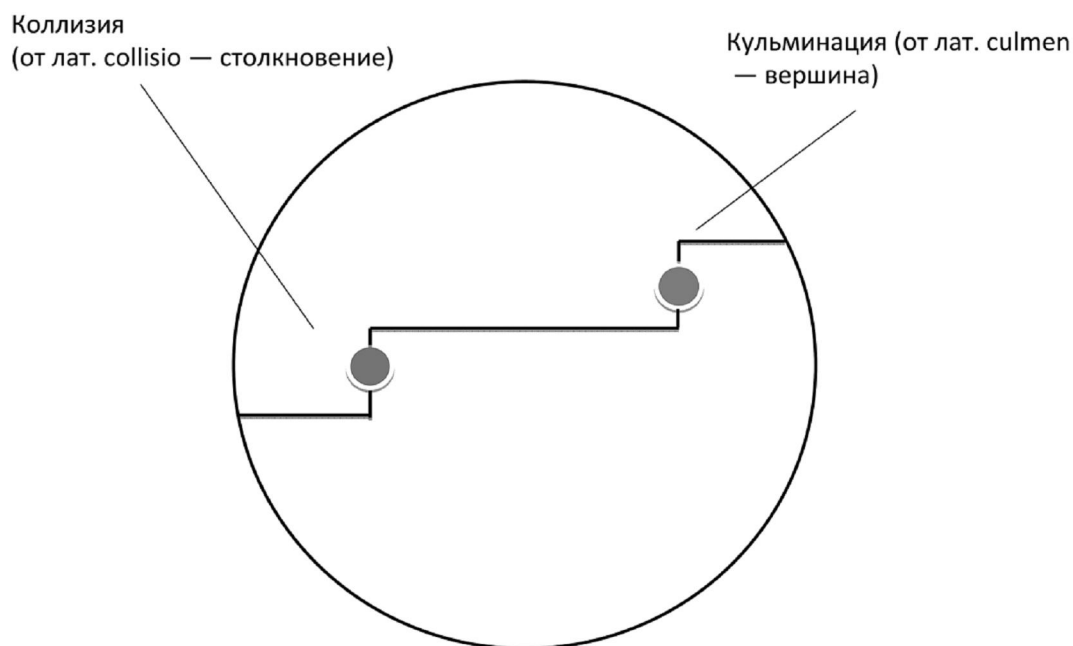

Рис. 3

жизни героев из состояния равновесия. Как правило, коллизия совпадает с завязкой сюжета, является ее эмоциональным фактором (рис. 3).

В притче о блудном сыне коллизия — это просьба младшего сына выделить ему часть отцовского имения, в притче о богатом и Лазаре — смерть этих двух людей, в притче о безрассудном богаче — необычайно богатый урожай и т. д.

5. Альтернативный фактор

Это понятие мы взяли из драматургии⁵. В любом повествовании, в котором присутствует конфликт, есть и альтернативный фактор. Альтернативный фактор — это те силы и обстоятельства, которые начнут действовать, если герой не справится с драматической ситуацией. Вообще это явление подсмотрено драматургами в реальной жизни. С каждым из нас, если мы не произведем определенных действий, могут случиться неприятности. Например, если человек ежедневно будет опаздывать на работу, его вскоре уволят. Если водитель не остановится по требованию инспектора, начнется погоня. Если родители не будут воспитывать детей, из них вырастут чудовища. Те же закономерности действуют и в притчах (т.е. в любом повествовании).

Альтернативный фактор — этот дамоклов меч истории — обостряет происходящие в сюжете процессы, заставляет героев действовать здесь и сейчас. В кино и литературе он редко вступает в силу, героям в основном удается выйти из драматической ситуации, таким образом избегнув действия альтернативного фактора. И в жизни, и в Священном Писании зачастую все иначе. Уже в раю, до грехопадения, человечеству потенциально был дан альтернативный ход развития истории. *И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания*

⁵ Данный подход, когда в богословии используются, казалось бы, чуждые Церкви явления, давно применяется. Вспомним, например, как Отцы-каппадокийцы приняли философскую терминологию и, воцерковив ее, огласили весь мир учением о Пресвятой Троице.

добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2, 16–17).

Еве с Адамом не удалось избежать этого альтернативного фактора, человек стал смертным, больным, поврежденным грехом. Не удалось избежать его и юродивым девам, и богачу, оказавшемуся в аду из-за того, что он в жизни оставался безучастным к страданиям Лазаря, и козлищам из притчи о Страшном Суде и т. д. Хотя в Священном Писании много и противоположных примеров. Блудный сын, решив вернуться к отцу, избегает дальнейшего позора и, возможно, голодной смерти. Мудрые девы оказываются на пире с Женихом, приумножившие таланты избегают наказания, которому подвергся тот, кто зарыл свой талант в землю, и получают похвалу и т. д. Можно сказать, что Христос допускает действовать альтернативному фактору в притчах, чтобы мы научились избегать его действия в жизни.

С целью разнообразить примеры рассмотрим рассказ Александра Грина «Зеленая лампа», известный многим из школьной программы, и уже упомянутый нами выше фильм «Остров».

В «Зеленой лампе» главный герой должен ежедневно в определенное время зажигать у окна комнаты лампу с зеленым абажуром. В противном случае он лишится этой странной работы и его снова ждет нищета.

В фильме «Остров» альтернативный фактор — наказание за грех убийства своего сослуживца, страшные муки совести, которые терзают главного героя на протяжении всего повествования.

6. Барьеры. Как элемент притчи, барьеры — это те препятствия, которые герой должен преодолеть во время повествования.

Блудный сын переступает через собственную гордыню и с покаянным чувством возвращается домой к отцу.

Для богатого человека, одевавшегося в порфиру и виссон, барьер между ним и Лазарем оборачивается пропастью после смерти, которую уже не преодолеть.

Главный герой из «Зеленой лампы», который по расчетам богача должен был спиться от скуки, благодаря своей целеустремленности становится врачом.

Отец Анатолий из фильма «Остров» выбирается из бездны своего злодеяния и стяжает дар исцеления бесноватых. А затем, еще при жизни, видимым образом получает от Бога прощение через раскрытие того, что человек, в которого он стрелял, остался жив.

Преподобная Мария Египетская у входа в храм сталкивается с барьером — невидимой силой, которая не допускает ее в церковь.

7. Перипетии. Это понятие введено в науку Аристотелем. В своей «Поэтике» он дает такое определение: «Перипетия... есть перемена событий к противоположному»⁶. Раскрывая эту мысль, можно сказать, что перипетия — это резкий переход от счастья к несчастью и наоборот.

Блудный сын получает долю отцовского наследства. Теперь есть на что пировать с друзьями и блудницами. Счастье. После того как деньги кончились, он начинает нуждаться и пристает к жителю той страны, который его, иудея, заставляет пасти свиней. Он голодает, он переносит позор. Несчастье. Наконец, сын решает возвратиться к отцу. И отец принимает его в свои объятия. Счастье.

Главный герой в «Зеленой лампе» терпит крайнюю нужду и болезни. Работы нет. Он падает на улице в голодный обморок. Несчастье. Но вот находится какой-то богатый чудаков, который готов платить хорошие деньги, с тем лишь условием, чтобы главный герой ежедневно в определенное время зажигал в оконном проеме зеленую лампу и не отлучался из дома. Счастье.

⁶ *Аристотель*. Поэтика. Риторика. СПб., 2016. С. 23.

Напротив, богач из этого рассказа имеет все, что можно купить за деньги. Условное счастье. Но вот по прошествии лет он разоряется, падает на темной лестнице, ломает ногу, которую у него ампутирует в больнице тот самый человек, из которого он хотел сделать живую игрушку, обязав ежедневно зажигать зеленую лампу. Несчастье.

Молодой матрос из фильма «Остров» по малодушию, принуждаемый фашистами, стреляет в товарища. Тот падает за борт. «Я убил человека!» — в ужасе думает матрос. Жизненная катастрофа. Матрос становится монахом. И вот в конце жизни встречается адмирала, в нем узнает того человека, в которого выстрелил по малодушию. Он жив! Счастье.

Истории из Священного Писания изобилуют перипетиями. Например, праведный Иов был богат и многодетен, отличался гостеприимством. Счастье. Но вот в одночасье он теряет все. Заболевает страшной болезнью, тело его покрывается гноем. Жена призывает его похулить Бога и умереть, чтобы хоть так прервать страдания. Несчастье. Иов претерпевает все, за что Господь воздает ему еще большими благами. Счастье.

Иосиф Прекрасный был любим своим отцом, жил в большой семье. Счастье. Братья из зависти продают Иосифа в рабство. Несчастье. Иосиф становится управляющим в доме начальника царских телохранителей. Счастье. Отвергнутая Иосифом, жена вельможи клеветает на Иосифа. Его бросают в темницу. Несчастье. Слух о способности Иосифа толковать сны доходит до фараона. Иосифа вывозят из темницы. Со временем он становится правой рукой самого египетского царя. Счастье.

Перипетии, как правило, развиваются во втором акте повествования. Последний переход к счастью или к несчастью связан с кульминацией всей истории.

Перипетии своими резкими переходами из крайности в крайность как бы вводят душу слушателя, читателя или

зрителя в «резонанс», чтобы в конце истории привести к покаянию. Это «кардиограмма» притчи, ее пульс и дыхание.

8. Узнавание. Этот термин также принадлежит Аристотелю. «Узнавание, как показывает и название, обозначает переход от незнания к знанию, ведущий или к дружбе, или к вражде лиц, назначенных к счастью или к несчастью»⁷.

Братья не узнают в египетском вельможе Иосифа, давным-давно проданного ими в рабство. Иосиф раскрывает себя им, являя в прощении свое великодушие.

К царю Соломону однажды пришли две женщины, жившие вместе. У одной из них умер ребенок, у другой же остался жив. Каждая из женщин говорила, что осталось в живых именно ее дитя. Царь должен был их рассудить. Он повелел оруженосцу рассечь ребенка и отдать каждой женщине половину. Она из них взмолилась оставить малыша в живых и отдать другой женщине. Другая сказала: «Рубите. Пусть не будет ни мне, ни ей!». Так читатель Священного Писания вместе с царем Соломоном **узнает**, кто был истинной матерью ребенка.

Блудный сын, вернувшись в родной дом, **узнает** о том, что отец его простил.

В «Зеленой лампе» богач, потерявший все, **узнает** в докторе, ампутировавшем ему ногу, того человека, который, по его представлениям, должен был спиться от безделья.

Отец Анатолий в «Острове» **узнает** в адмирале своего сослуживца, которого, как ему думалось, он застрелил в молодости.

Примеры узнавания мы находим и в святоотеческих творениях. В частности, у преподобного аввы Дорофея в «Душеполезных поучениях» мы видим пример такого узнавания.

«В общежитии, прежде моего удаления оттуда, был один брат, которого я никогда не видал смутившимся, или скорбящим, или разгневанным на кого-либо, тогда как я замечал,

⁷ Аристотель. Указ. соч. С. 23.

что многие из братии часто досаждали ему и оскорбляли его. А этот юноша так переносил оскорбления от каждого из них, как будто никто вовсе не смущал его. Я же всегда удивлялся чрезвычайному незлобию его и желал узнать, как он приобрел сию добродетель. Однажды отвел я его в сторону и, поклонившись ему, просил его сказать мне, какой помысл он всегда имеет в сердце своем, что, подвергаясь оскорблениям или перенося от кого-либо обиду, он показывает такое долготерпение. Он отвечал мне презрительно без всякого смущения: “Мне ли обращать внимание на их недостатки или принимать от них обиды как от людей? Это — лающие псы”.

Услышав это, я преклонил голову и сказал себе: нашел путь брат сей, и, перекрестясь, удалился от него, моля Бога, чтобы Он покрыл меня и его»⁸.

В житии святителя Николая Чудотворца есть повествование о том, как некий человек, дошедший до крайней бедности, решил продать свою старшую дочь в блудилище, или, как сейчас говорят, в публичный дом. Он назначил день, когда это случится. И вот утром обезумевший от нищеты отец пробудился от тяжелого сна и обнаружил на полу своей комнаты мешочек с золотом. На эти деньги он сделал дочери приданое и выдал замуж. Вскоре его опять постигла нищета. Теперь он решил продать в блудилище свою среднюю дочь. Далее все в точности повторилось. Наконец, та же участь ожидала постигнуть и младшую дочь. В этот раз отец решил выяснить, кто является их тайным благодетелем. Ночью кто-то подошел к раскрытому окну и бросил на пол комнаты мешочек с золотом. Отец выбежал на улицу, догнал незнакомца и **узнал** в нем молодого священника Николая.

Узнавание как элемент повествования нередко свидетельствует о всемогуществе Божиим. Как, например, в жи-

⁸ *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения. Поучение 7. О том, чтобы укорять себя, а не ближнего.

тии мученика Геласия Гелиопольского. Геласий был комедиантом. (Как сейчас, так и в древности Церковь Христова нередко была предметом насмешек, которые звучали с театральной сцены.) На христиан опять воздвигались гонения. И вот Геласий в очередной раз должен был разыгрывать на сцене таинство Святого Крещения. Сойдя в импровизированную купель, он начал возливать на себя воду со словами: «Крещается раб Божий Геласий. Во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святого Духа!». После этого актер вдруг стал серьезным. Грим смылся в купели крещения. Геласий предстал на сцене совершенно другим человеком. «Я христианин!» — воскликнул он. Зрители разразились смехом, оценив эту «шутку». Но тут они начали **узнавать**, что случилось нечто необычное. Наконец, осознав, что Геласий не шутит, его схватили и усекли мечом.

В данном случае узнавание раскрывает нам всемогущество Божие, показывает, как Дух Святой в один миг может изменить самого закоренелого грешника.

Узнавание также помогает человеку осознать свои грехи и через это подвигает к покаянию. Пожалуй, самый известный пример такого узнавания — разговор Давида с пророком Нафаном, когда царь внезапно **узнает** в том злодее, о котором пророк рассказал в притче, самого себя (см.: 2 Цар. 12).

Узнавание сопряжено с кульминацией истории и порождает развязку повествования.

9. Катарсис и покаяние

Еще в античности философами и поэтами было замечено, что слово способно потрясать человеческую душу, вводить ее в состояние восторга и умиления. Это явление было названо катарсисом, то есть очищением посредством сильных сопереживаний, порожденных словом. Любой творец знает, что главная цель его произведения — ввести зрителя, читателя или слушателя в состояние духовного восторга, или катарсиса. Цель миссионерской проповеди — привести

человека не только в состояние духовного восторга, но пробудить в нем покаяние, указать путь к изменению всего своего естества. То есть перед миссионером стоит задача гораздо более сложная, чем перед художником.

Покаяние тесно связано с узнаванием. Например, апостол Петр в своей первой проповеди после Сошествия Святого Духа выстраивает речь так, что иудеи с ужасом и удивлением **узнают**, что Тот, Кого они распяли, и есть Христос Спаситель. А узнав, приходят в чувство покаяния. *Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братья?* (Деян. 2, 37).

В 2016 году на экраны кинематографа вышел фильм «Викинг» режиссера Андрея Кравчука. Можно по-разному относиться к этой картине, но одно в ней точно заслуживает нашего внимания. Это кульминация фильма, когда молодой князь Владимир в византийском храме исповедуется свя-

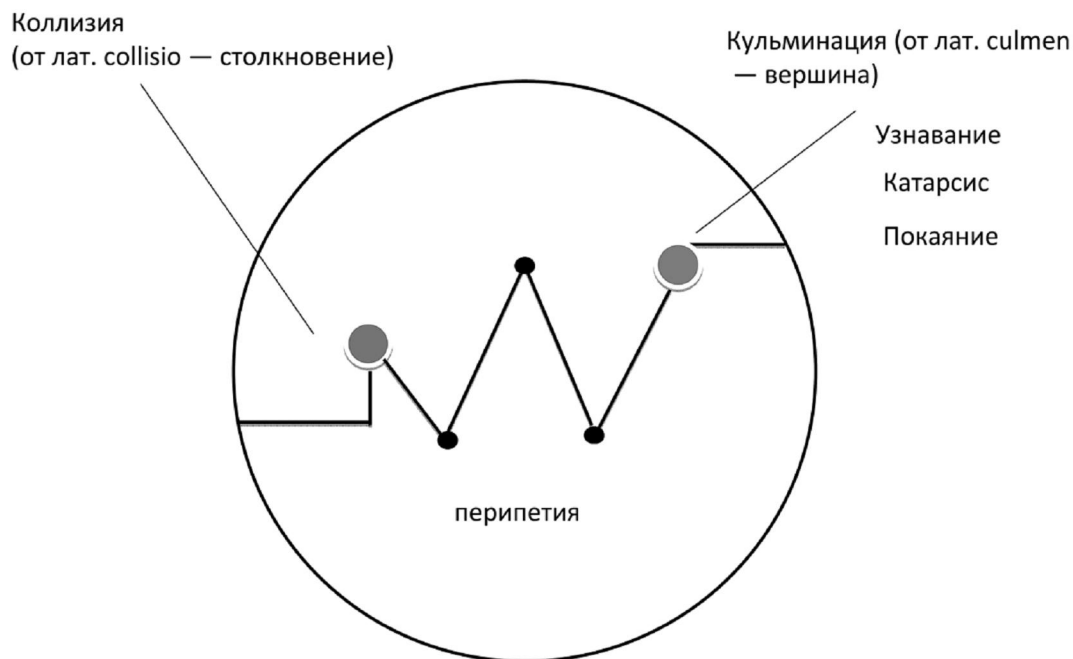

Рис. 4

щеннику. Он вспоминает свою жизнь, **узнает** в самом себе лютого зверя, насильника, братоубийцу. Это узнавание потрясает князя. Он плачет, исповедуя свои грехи. Принимает крещение и становится новым человеком.

Таким образом, и узнавание, и катарсис, и покаяние структурно включены в такой элемент притчи, как кульминация (рис. 4).

10. Указание

Последний элемент притчи — это указание. Мы вводим данное понятие впервые, хотя само это явление использовалось в деле миссии всегда. Указание пути ко спасению, к изменению своего естества следует сразу после пробуждения у слушателя, читателя или зрителя чувства покаяния. Пробуждение этого чувства без указания пути ко спасению было бы для человека опасно. Вот как об этом пишет святитель Феофан Затворник:

«Встревоженная совесть вместе со страхом Божиим и чувством всесторонней зависимости от Бога поставляют человека в чувство безвыходности своего положения: *Камо пойду... камо бегу?* (Пс. 138, 7). Но бежать некуда: пойман и в руках Бога — Судии и Воздаятеля. Чувствуется *гнев Божий с небесе на всякую... неправду* (Рим. 1, 18). Но тут приходит благовестие Евангелия и выводит из беды. Без Евангелия такое пробуждение духа нашего было бы пагубно, ибо неизбежно ввергало бы в отчаяние. Но благость Божия так устрояет, что истинное пробуждение духа и совершается, и сопутствуется Евангелием. Тому, у кого внутри образовалось, вследствие пробуждения духа: *Камо пойду... камо бегу?* — Евангелие возвещает: “Куда и зачем бежать? Иди под сень Креста — и спасешься. Сын Божий, воплотившись, умер на Кресте во очищение грехов наших. Веруй в сие — и получишь отпущение и милость Божию сретись”. Апостолы всегда так и делали, проповедуя Евангелие. Растревожат, а потом говорят: “Веруй в распятого Господа — и спасен

будешь”. Так, святой Петр в первую проповедь, в день сошествия Святаго Духа, встревожил и устрошил иудеев до того, что они начали вопиять: “Что же нам делать теперь? Куда деваться?”. Он возблаговестил им тогда: *Покайтесь, и да крестится кийждо вас во имя Господа Иисуса... во оставление грехов* (Деян. 2, 38). Святой апостол Павел и Послание свое к Римлянам расположил так, что сначала устрошил всех, говоря: *Гнев Божий... открывається* (Рим. 1, 18), и потом указал и прибежище всем — в вере в Господа Иисуса Христа (Рим. 3, 22 и далее).

Когда кто в крайней беде находится и встретит указание на исход и прибежище, с какой ревностью хватается он за сие. Так и дух наш, вняв благовестию спасения в Господе, всей силою емлется за него с благонадежием и готовностью все сделать, лишь бы сделаться причастником евангельских благ. Такое настроение нашего духа делает его готовым к богообщению, и благодать Святаго Духа, действовавшая доселе совне, возбуждая, вселяется внутрь не непосредственно, а чрез посредство таинства. Верующий кается, крестится и приемлет *дар Святаго Духа* (Деян. 2, 38)»⁹.

Христос во многих Своих притчах указывает слушателям путь ко спасению. Например, в притче о блудном сыне путь этот — возвращение к Отцу. В притче о Страшном Суде — дела милосердия. В притче о богатом и Лазаре — чтение Священного Писания и исполнение заповедей, данных через пророка Моисея и т. д.

Указание часто, хотя и не всегда, связано с развязкой сюжета притчи.

Итак, повторимся, евангельская притча — это ствольная клетка в мире идей, первоисточник всего современного искусства, даже если оно, это искусство, несет разрушение.

⁹ *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?

Здесь нет ничего удивительного, ведь раковые клетки также произошли от здоровых. Притча, как и стволовая клетка, имеет свои органеллы — мы их назвали элементы, которые позволяют ей жить и распространяться вот уже две тысячи лет. Из притчи, как из семени, дифференцируясь, вырастает и литература, и драматургия, и кинематограф. Форма притчи используется даже в журналистике. Когда необходимо донести до аудитории какую-либо мысль, она облекается в оболочку сюжета или статьи, где действуют те же правила, что и в притче. Притча — это наиболее устойчивый способ существования идей в информационном пространстве.

Из сказанного в статье будет логичным заключить, что самым эффективным инструментом оглашения вселенной словом Божиим является притча или созданные по ее правилам произведения.